

ФЕНОМЕН СОБСТВЕННОСТИ И ЛИЧНОСТЬ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ**Елизаров Е.Д.***Санкт-Петербург, e-mail: ffeed@mail.ru*

Комиссия европейских сообществ (КЕС) относит к категории малых фирмы с числом занятых до 100 человек и размером собственных средств не более 7,5 млн. евро. КЕС выделяет микропредприятия с численностью занятых до 9 человек и мелкие – от 10 до 99 человек занятых. В отдельных европейских странах размер численности занятых значительно колеблется. Например, в Великобритании к мельчайшим относятся фирмы с числом занятых от 1 до 23 человек, к мелким – от 24 до 99. В обрабатывающей промышленности малым считается предприятие с числом занятых менее 200 человек. Во Франции малыми считаются предприятия, численность занятых на которых не превышает 500 человек, а годовой оборот не превышает 20 млн. евро; отнесение к группам предприятий по численности персонала дифференцируется в зависимости от отрасли, в которой функционирует предприятие (как и в России). Так, в сельском хозяйстве и пищевой промышленности Франции фирмы с численностью занятых свыше 200 человек считаются крупными, а в отрасли, производящей оборудование, предприятия с численностью занятых до 500 человек относятся к малым. Интерес представляет градация действующих предприятий в США. К наименьшим относятся предприятия с численностью занятых от 1 до 24 человек, к малым – от 25 до 99, к промежуточным – от 100 до 499 человек, к крупным – от 500 до 999, а при численности свыше 1000 человек предприятия считаются крупнейшими. Как показывает мировая практика, малые предприятия имеют значительный удельный вес в экономике. Так, в США на долю малых предприятий приходится до 40% ВВП и 50% валового продукта частного сектора, в том числе в строительстве – 80%, в оптовой торговле – 86, в сфере обслуживания – 81%. На малых предприятиях США сосредоточено более половины занятых служащих. Во Франции малое предпринимательство занимает доминирующее положение в строительстве, торговле, производстве товаров народного потребления, туризме. В Японии доля малых и средних предприятий в общем количестве предприятий составляет более 90%, по числу занятых работников – 80,6%, по объему продаж в розничной торговле – 80,4%.

Ключевые слова: институт собственности как инструмент социальной самоорганизации, личность предпринимателя

PHENOMENON PROPERTY AND PERSON ENTREPRENEURS**Elizarov E.D.***St. Petersburg, e-mail: ffeed@mail.ru*

Commission of the European Communities (CEC) refers to the category of small firms employing up to 100 people and the amount of equity is not more than 7,5 million euros. CES highlights of microenterprises with personnel up to 9 people and small – from 10 to 99 persons employed. In some European countries, the size of the number of employees varies considerably. For example, in the UK for the smallest firms are employing 1 to 23 people, to small – from 24 to 99. In manufacturing, the company is small with less than 200 people. In France are considered as small enterprises, employment which does not exceed 500 persons and an annual turnover not exceeding 20 million euro according to group companies by company varies depending on the industry in which the entity operates (as in Russia). For example, in agriculture and food processing industry in France firms employing more than 200 people are considered large, and the industry that produces equipment, enterprise employing up to 500 people are small. Interest is the gradation of existing enterprises in the U.S. By smallest pertain enterprises with personnel from 1 to 24 people, to small – from 25 to 99, to intermediate – 100 to 499 people to large – from 500 to 999, while the number of over 1,000 enterprises are the largest. As world practice shows, small businesses have a significant share in the economy. In the United States the share of small enterprises up to 40% of GDP and 50% of the gross domestic product of the private sector, including in construction – 80%, in wholesale trade – 86, in the service sector – 81%. In small enter-yatiyah U.S. holds more than half-time employees. In France, small entrepreneurship has a dominant position in the construction, trade, production of goods for the homogeneous consumption and tourism. In Japan, the share of small and medium enterprises in the total number of enterprises is over 90%, the number of employed workers – 80.6%, in terms of sales in retail trade – 80.4%.

Keywords: the institution of property as an instrument of social self, personality entrepreneur

Оговорим сразу: речь пойдет о частной собственности, другие ее виды, в т.ч. государственная и муниципальная, исключаются из рассмотрения. Напомним, до недавнего времени она противопоставлялась личной, которая не распространялась на средства производства. Частная существовала только там, где имело место извлечение выгоды из чужого труда. Сегодня различие между ними лишается идеологического подтекста: «частная собственность служит развитию рынка и повышению благосостояния нации в целом; личная собственность

замыкается на себе, удовлетворяя амбиции элиты или отдельного индивида, и ничего не меняет в уровне благосостояния большинства нации». Это определение приводится в учебном пособии для учащихся средних общеобразовательных учреждений, к тому же, изданном под грифами Философского факультета МГУ, РАН¹, а следовательно, предполагает дать нормативное представле-

¹ Гивиашвили Г.В. Гуманизм и гражданское общество // Библиотека журнала «Здравый смысл». М.: Российское гуманистическое общество. 2003 // <http://atheismru.narod.ru/humanism/givishvili/title.htm>.

ние о предмете. И все же некоторая неопределенность понятий сохраняется.

В обыденном понимании частная собственность – это защищенное законом право гражданина или юридического лица на конкретное имущество, включая средства производства. Нередко это право определяется как абсолютное. Французская Декларация прав человека и гражданина в 1789 г. объявила собственность священной и неприкосновенной². Однако сегодня, с ростом ассоциированных и государственных форм, уже не говорится о вечности и справедливости. Напомним, именно таким представлялось «истинное» законодательство античному обществу: закон, – говорил Цицерон, – «не был придуман человеком, и не представляет собой какого-то постановления народов, но он – нечто извечное, правящее всем миром благодаря мудрости своих повелений и запретов»³. «Истинный закон – это разумное положение, соответствующее природе, распространяющееся на всех людей, постоянное, вечное...»⁴ Иными словами, безусловная апология сменяется признанием исторической ограниченности. Более того, существует тенденция отрицания всего, что связано со старыми, частнособственническими, представлениями. В возрастании числа мелких акционеров видится род ее диффузии.

Как правовой институт собственность сложилась еще в римском праве. Правда, Рим не давал строгого определения⁵, но все же общее представление о ней входило в аксиоматическое ядро его юридической мысли.

Долгое время смысловой акцент в понятии собственности делался на вещном содержании, ибо на поверхности явлений она предстала в виде предметов, принадлежащих тем или иным лицам. Лишь во второй половине XX в. новыми экономическими школами он был смещен на возможность извлечения из имущества различного рода полезностей путем распоряжения или пользования им. Сегодня в ней видится не вещь, но прежде всего пакет прав по ее использованию. Иными словами, первичной становится юридическая составляющая.

В отечественной мысли понятие собственности имеет два измерения. В объективном смысле – это совокупность правовых норм, регулирующих режим функционирования имущества в интересах собственника и защита первого от неправо-

мочных посягательств других лиц. В субъективном – оно состоит из правомочий владения, пользования и распоряжения.

Здесь право владения (фактического обладания) – это особый режим функционирования вещи, который препятствует пользованию ею всеми, кроме одного или нескольких лиц, называемых владельцами. Право пользования – это возможность осуществлять эксплуатацию имущества, извлекать из него полезные свойства, получать плоды и доходы. Оно означает, что пользователь получил от владельца или распорядителя вещи право на ее потребление в течение определенного периода и на условиях, установленных собственником. Его границы определяются законом, договорами или иными правовыми основаниями. Право распоряжения – возможность совершать такие сделки, как купля-продажа, поставка, дарение, аренда и др. В результате актов распоряжения имуществом осуществляется его отчуждение, а также передача во временное владение и пользование другому лицу, в залог, сдача на хранение и др. Распоряжением определяется юридическая судьба вещи, т.е. либо прекращается, либо приостанавливается право собственности на нее.

Нельзя сказать, что эта триада является общепризнанной. За рубежом используется более широкий спектр правомочий. Так разработанный в 1961 г. британским юристом А. Оноре перечень включает в себя 11 позиций:

- право владения, т.е. исключительного физического контроля над собственностью (благами);
- право пользования, т.е. использования, применения полезных свойств благ для себя;
- право управления, т.е. исключительное право принимать решения о любых действиях по отношению к объекту собственности;
- право на доход, получаемый в результате личного использования благ или в результате разрешения пользоваться этими благами другим лицам;
- право суверена, т.е. право на отчуждение, потребление, изменение или уничтожение блага;
- право на безопасность, т.е. на защиту от изъятия благ частными лицами (воровство) или государством (экспроприация) и от вреда со стороны внешней среды;
- право на передачу благ по наследству или по завещанию;
- право на бессрочность обладания благом, т.е. неограниченность обладания правомочиями во времени;

² Всеобщая декларация прав человека и гражданина, 1789 г., ст. 17.

³ Цицерон. О законах. II, 4, 8.

⁴ Цицерон. О государстве. III, 33.

⁵ См.: Дождев Д. В. Римское частное право. М. Норма 2002. С. 377–379.

– запрет на использование блага способом, наносящим вред внешней среде или другим лицам;

– ответственность в виде взыскания – возможность взыскания блага в уплату долга;

– право на восстановление правомочий, переданных кому-либо, после истечения срока передачи.

Встречаются и другие, в т.ч. более распространенные перечни, одни позиции которых перекрывают позиции конкурирующих определений (как элементы российской «триады» во многом перекрывают правомочия, перечисленные А.Оноре), другие обнаруживают какие-то новые характеристики собственности.

Это обстоятельство позволяет сделать два вывода:

1. Все существующие определения страдают неполнотой. В то же время анализ содержания регламентируемых ими норм показывает, что «защищенное законом право на конкретное имущество» в принципе не может быть сведено к ограниченной фиксированной их совокупности. Иными словами, в той или иной форме оно способно без остатка растворить в себе всю систему национального права.

2. Исчерпывающее определение собственности исключительно в юридических терминах невозможно. Наряду с его нормами, представление о ней способно вместить в себя и всю систему экономических связей. Причем это касается не только собственности «вообще», т.е. целостного гражданско-правового института, но и каждого конкретного имущества. Другими словами, каждый «атом», этого сложносоставного социального феномена, в конечном счете обнаруживает себя лишь родом специфического «терминала», на который замыкается вся совокупность гражданско-правовых норм и экономических отношений, господствующих в обществе.

Таким образом, собственность оказывается куда более фундаментальным началом, чем это обычно представляется юридическими и экономическими справочниками.

Не будет ошибкой сказать, что смещение теоретических представлений в сферу права во многом является своеобразной реакцией на ту программу социально-экономических преобразований, которая вырабатывалась коммунистической мыслью. Точнее сказать – на ее издержки. Однако «во многом» не значит во всем, ибо здесь сказались влияние и других идейных течений, не последнее место в ряду которых занимает национал-социализм и протестные движения против всех модификаций колониализма. Как бы то ни было, трансформация

взглядов представляет собой род классовой самозащиты, построение системы гарантий суверенитета собственника и неприкосновенности его имущества.

Однако парадокс в том, что чем более скрупулезным и выверенным становится правоведческий анализ, тем очевидней факт, что ни о каких абсолютах в сфере права не может быть речи. «Священность и неприкосновенность» собственности, равно как ничем не ограниченный суверенитет ее обладателя в принципе невозможны. Причем не только на практике: даже теоретически абсолютные гарантии невмешательства в прерогативы собственника достижимы лишь в пустом социальном пространстве, где организационно-распорядительный импульс, сообщаемый им, не может встретить чье бы то ни было противодействие и траектория развития собственности не подвергается никакой деформации извне. Однако действительность – это вовсе не вакуум, окружающий какой-то единственный центр, но плотная перенасыщенная среда, каждая точка которой претендует на совершенно исключительную позицию. Поэтому движение и развитие каждого из этих бесчисленных «центров» в конечном счете определяется результирующей суммы бесчисленных столкновений сторонних разнонаправленных интересов. Отсюда конфликт «суверенитетов» – это вовсе не отклонение от нормы, но действительная (если не сказать единственно возможная) норма существования.

Не существует сферы непреложных правовых истин, которая была бы подобна платоновскому миру чистых идей, что парит над доступной человеку реальностью. Как и экономические отношения, юридические нормы немыслимы вне взаимодействия физических и юридических лиц в едином гражданско-правовом и экономическом пространстве. Все правомочия номинального собственника могут быть реализованы только в фактических социальных действиях. Поэтому свобода одного собственника всегда ограничивается свободой всей совокупности других.

Ключевой принцип, согласно которому ни одна прерогатива формального обладателя правомочий не может быть реализована во вред иным субъектам права, означает и другое, а именно то, что **режим владения, пользования и распоряжения в конечном счете определяется не им одним.** В той или иной форме в этом принимает участие не поддающаяся исчислению совокупность субъектов права и экономических отношений. Но если понятие собственности складывается именно из этих право-

чий, то, на поверку анализом, фактический собственник вообще не поддается персонализации, иными словами, номинальное обладание любой частью общественного достояния является не более чем социальной условностью. Таким образом, вопреки расхожему представлению, в действительности ни одно физическое или юридическое лицо не является суверенным субъектом собственности. Таковым может быть только весь социум в целом, поэтому вся полнота правомочий никогда не концентрируется в одной его точке, но (в разных долях) распределяется между всеми субъектами его жизнеобеспечения.

Собственность как институт социальной самоорганизации

Мысль, создававшая основы представлений о собственности как о некоем абсолютном праве и о субъекте последнего как о ничем не ограниченном суверене, опиралась на давно избывшие себя реалии натурального хозяйства. Только на его фоне могла возникнуть иллюзия возможности самостоятельного порождения хозяйствующим субъектом новых вещественных благ. В таком контексте функция собственника представляла прежде всего миссией демиурга, и только потому – вершителя судеб всех порождаемых им ценностей. Та же замкнутость натурального производства препятствовала и распространению представлений о собственности за осязаемые пределы ее вещественной ипостаси, т.е. в сферу права. Но замкнутость не означает герметичности. Не существует хозяйствующего субъекта, который был бы независим от чужого опыта и результатов чужого созидания. Точно так же не существует деятельности, которая не ограничивала бы чужую свободу. Однако в условиях социально-классового расслоения понадобились тысячелетия, прежде чем осознались, что собственность – это не только имущество, но и своеобразный «коридор» свободы в его использовании, не столько прямая осязаемость, сколько не поддающееся строгому определению абстрактное отношение. Впрочем, и на этом, как будет показано, эволюция представлений не заканчивается.

В конечном счете, собственность – это ничто иное, как одно из измерений глобальной системы жизнеобеспечения и самоорганизации социума, а следовательно, никакой собственник не является до конца самостоятельной величиной. Собственность не самодостаточная монада, способная существовать в «безвоздушном» организационном, правовом, экономическом пространстве. В свою очередь, собственник – это не социальный «робинзон», сам

из себя порождающий какую-то ценность и потому получающий эксклюзивную возможность неограниченного распоряжения ею, но лишь один из бесчисленного множества исполнителей фундаментальной роли распорядителя частью общего достояния. В своей сущности он является таким же «винтиком» единого социального механизма, как исполнители других основополагающих функций, продуктом общей диверсификации производства, разделения общественного труда и специализации человека. Сакралитет любой власти объясняется не ее собственной природой, но таинством отчуждения, – сакралитет экономической, каковой является собственность, имеет то же самое происхождение⁶.

Основание института собственности лежит в том, что результат труда, всегда обнаруживает в себе нечто такое, что не может быть потреблено его субъектом. В отличие от инстинктивной, биологической, в деятельности человека уже на самых ранних этапах возникает инновационная составляющая, которая оборачивается как качественным совершенствованием всего того, что производится первобытной общиной, так и прибавочным продуктом. Впрочем, и последний – это прежде всего качественное совершенствование необходимого, и лишь во вторую очередь простое увеличение ранее производимых объемов⁷. Управление как «дельтой качества», так и «дельтой количества» и составляет ключевое содержание функции собственности.

Появление именно этого инновационного элемента и эволюция механизмов социальной самоорганизации позволяет объяснить факты, на первый взгляд способные поставить в тупик. Так, в 1953–1960 годах археологическая экспедиция в пещере Шанидар (Северный Ирак) обнаружила стоянку, возраст которой определяется в 50–70 тыс. лет. Самое интересное в пещере – это девять скелетов мужчин и среди них примерно сорокалетний инвалид. У него наблюдались повреждение левой глазницы (скорее всего, он не видел левым глазом), сломанный перелом левой стопы, изуродованная артритом нога и сильно стершиеся зубы, к тому же практически отсутствовала правая рука⁸. Ясно, что с такими повреж-

⁶ См. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 42. С. 41–174.

⁷ См. Елизаров Е.Д. Апология «Капитала». Политэкономия творчества // http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/eliz.

⁸ См. Коробков И. И., Новые данные о неандертальских скелетах из пещеры Шанидар (Ирак) // Вопросы антропологии, 1963, в. 15; Матюшин. М. Археологический словарь. М.: 1998.

дениями он не мог обеспечивать себя сам, а значит, его кормили сородичи.

Однако было бы ошибкой видеть здесь зачатки гуманизма. Напротив, весь комплекс доступных изучению фактов свидетельствует об обратном: уклад первобытного общества долгое время не возбраняет принимать в пищу человеческое мясо, уничтожать неблагополучных детей, убивать одряхлевших стариков и, разумеется, таких инвалидов. Многое от этого уклада остается еще и в письменной истории. Так, на острове Хиос существовало правило, повелевавшее отравлять ядом цикуты всех кто достиг 60 лет, чтобы остальные не испытывали недостатка в пище. В традициях Спарты было умерщвлять детей, физические свойства которых не соответствовали «предначертаниям законодателя» (выражение Аристотеля)⁹. О лишениях жизни младенцев, не отвечающих сложившимся стандартам, говорится в римских Законах XII таблиц¹⁰; есть основания полагать, что этот суровый обычай существовал и в законодательных установлениях других античных городов. О нормах того времени свидетельствует и то обстоятельство, что в философские и правовые основания идеально устроенного государства закладывается требование: «пусть будет закон: ни одного калеку выращивать не следует»¹¹. Долгое время там, где предвидится рождение ребенка сверх установленного государственным нормативом числа детей, обязательным требованием является аборт, о чем говорит все тот же афинский философ¹². Весьма распространенным явлением остается подкидывание детей (особенно девочек)¹³, причиной чему в первую очередь оставались все те же материальные соображения. О сюжетных мотивах, повествующих, как новорожденного младенца кладут корзину из тростника (Моисей), в глиняный сосуд (царевич Кир), куда-то еще и бросают на произвол судьбы, говорят книги Ветхого Завета¹⁴, сочинения Геродота¹⁵. Их распространенность может рассматриваться как взаимопроникновение культур, но, думается, не будет ошибкой предположить и другое – широкую распространенность этого печального обряда, вызванную простым дефицитом необходимого продукта.

Словом, конфликта с нравственным чувством нет, а значит, нет и обязывающих к социальному признанию норм. Тем более исключена забота о нетрудоспособных на предшествующих этапах истории. Даже там, где возникает избыток необходимого продукта.

Вместе с тем именно избыточность продукта, с одной стороны, и отсутствие механизмов управления излишком делает возможным выживание таких инвалидов. В этих условиях право на «ничей» продукт получает каждый, в т.ч. и калека. В сущности, так же, как право на объедки, остающиеся после хищника, получают те, кто не в состоянии забить дичь. Отличие лишь в том, что инвалид – это еще и носитель социального опыта... Поэтому в подобных захоронениях мы застаем лишь переходный этап от еще полуживотного существования к зарождающейся социальности. Когда заработают механизмы, регламентирующие функционирование прибавочного продукта, этот «альтруизм» исчезнет, чтобы возродиться вновь лишь через тысячелетия.

Все, что находит воплощение в зарождающемся институте собственности, представляет собой ничто иное, как овеществленный результат совокупного творчества. Но в то же время и «дельта количества», и «дельта качества» производимого продукта – это еще и материализованный потенциал всех дальнейших инноваций. Всякий же потенциал нуждается в управлении, и если в переходный период было достаточно стихийности, то формирование цивилизации требует иных, специализированных, механизмов.

В объективном смысле любое созданное человеческим трудом благо с самого начала является частью общего достояния. Но и сегодня, в условиях тотального разделения труда, не существует такого, которое могло бы быть порождено действиями кого-то одного. Поэтому его функционирование в системе совместного жизнеобеспечения должно регулироваться обществом в целом. Отсюда не случайно то обстоятельство, что ключевые ценности никогда не передавались в абсолютное право частных лиц. Так называемая «частная собственность» в действительности не более чем литературное клише, имущественный референт которого находится под (не всегда замечаемым, но от этого не перестающего быть неусыпным) контролем социума, во все времена исключавшего возможность использования чего бы то ни было во вред ему.

Еще в античном обществе, которое обладало вполне развитой политической и экономической структурой, рабы, земля, крупные состояния находились в собствен-

⁹ Аристотель. Политика. VII, 14, 2.

¹⁰ Законы XII таблиц, IV, 1.

¹¹ Аристотель. Политика. VII, 14, 10.

¹² Аристотель. Политика. VII, 14, 10.

¹³ Тронский И.М. История античной литературы // Учебник для студентов филологических специальностей университетов. С. 204 прим.

¹⁴ Исход. 2, 1–10.

¹⁵ Геродот. История. I, 108–112.

ности государства. А это значит, что последнее сохраняло право вмешательства во все действия фактического владельца. И без всякого стеснения вмешивалось всякий раз, когда считало необходимым. Поэтому абсолютного права физического лица не существовало. Движимая и недвижимая частная собственность рассматривалась как отклонение от привычной общинной нормы и развивалась как подчиненная государственной. «Архонт сейчас же по вступлении в должность,— пишет Аристотель, характеризуя государственное устройство Афин,— первым делом объявляет через глашатая, что всем предоставляется владеть имуществом, какое каждый имел до вступления его в должность, и сохранять его до конца его управления»¹⁶. Тот факт, что собственность, в функционирование которой вовлекаются массы тех, кто лишен формального права распоряжаться ею, не является чьим-то личным достоянием, не может быть игнорирован государством. Именно поэтому греческий полис обременял своего состоятельного гражданина целым рядом литургий (общественных обязанностей), куда входило снаряжение военных судов, назначение и содержание их командного состава, наконец, устройство больших празднеств, представлений и др. В случае необходимости государство не стесняло себя и принудительными займами.

То же самое, только в значительно больших масштабах, мы наблюдаем и в Риме. Он демонстрирует (пусть иррациональное, инстинктивное, но все же достаточно внятное) понимание того, что функциональность его совокупных ресурсов обеспечивается не нобилитетом и даже не его легионами. Известно, что Рим ведет огромное общественное строительство — форумов, ипподромов, цирков, театров, базилик, акведуков, терм и т.д. При этом гигантские размеры возводимых сооружений — вовсе не дань имперскому самовозвеличению (хотя, конечно, и она тоже), но свидетельство массовой доступности. По существу здесь мы видим масштабную социальную политику; городские низы являются главным объектом государственной заботы, и масштабы строительных работ дают основания утверждать, что этот контингент не был обделен вниманием властей. Добавим сюда пышные зрелища (впечатляющий перечень тех, что были даны одним только Августом, приводится в его «Деяниях»)¹⁷, денежные выплаты огромным массам городских про-

летариев¹⁸, хлебные раздачи,— и мы увидим: город вполне сознает, что стоит на плечах своих плебеев. Врожденным инстинктом он понимает, что только их масса может удержать в повиновении неполноправных жителей Рима и, разумеется, его рабов. Поэтому, государственная благотворительность — это род платы за повседневный труд поддержания политической стабильности в пространстве, переполненном этнически чужим враждебным элементом. А следовательно, (и это самое главное!) — предельной функциональности его совокупных ресурсов, которые позволяют Городу сражаться за мировую гегемонию.

Поэтому и здесь нет ничего удивительного в том, что любое частное владение каждый раз требует особого подтверждения со стороны высших представителей государства и все время остается под его контролем. Правда, контроль, зачастую, формален, поэтому фактическое распоряжение принадлежало все же частному лицу, но там, где дело касалось ключевых ценностей, надзор всегда оставался общим делом полиса.

О том же говорил Маркс: «...античная общинная и государственная собственность <...> возникает благодаря объединению, путем договора или завоевания, нескольких племен в один город... <...> Наряду с общинной собственностью развивается уже и движимая, а впоследствии и недвижимая, частная собственность, но как отклоняющаяся от нормы и подчиненная общинной собственности форма. Граждане государства лишь сообща владеют [в их совокупности обладают властью над] своими работающими рабами и уже в силу этого связаны формой общинной собственности. Это — совместная частная собственность активных граждан государства, вынужденных перед лицом рабов сохранять эту естественно возникшую форму ассоциации»¹⁹.

Проще говоря, античная община существовала как своеобразная артель, где свои роли доставались каждому сословию, и все они вместе цементировались единой целью, существо которой состояло в обеспечении военно-политического доминирования. Именно это органическое корпоративное единство, вопреки всем противоречиям, разделявшим классы, и вело к политическому компромиссу, которое реализовалось в демократических преобразованиях греческих государств и в истории Рима.

Но и во все последующие времена социум сохранял постоянный контроль над

¹⁶ Аристотель. Афинская полития. LVI, 2.

¹⁷ Деяния Божественного Августа. XXII–XXIII.

¹⁸ Деяния божественного Августа. XV, 1–4.

¹⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IV, стр. 12.

своими богатствами. Никогда не дремлющее подкожное ощущение того, что любое требование неприкосновенности частных имуществ – это посягательство на его собственный суверенитет, и врожденный им самим инстинкт взрываются эксцессами всякий раз, когда возникает угроза его самодостаточности. Попытка тамплиеров, представлявших в последнее время своего существования «нечто в роде крупного торгового и банкирского дома»²⁰, диктовать свою волю государству, кончилась расправами и уничтожением ордена. В дикой иррациональной форме этот ответный инстинкт прорывается в «хрустальных ночах» Испании времен Торквемады, Португалии, наконец, нацистской Германии. Вспомним и родное, хрестоматийное: «Сто двадцать тысяч козацкого войска показалось на границах Украйны <...> поднялась вся нация, ибо переполнилось терпение народа, – поднялась отмстить за посмеянье прав своих, <...> за позорное владычество жидовства на христианской земле – за все, что копило и сугубило с давних времен ненависть козаков»²¹. Тот же воинствующий инстинкт, восставший против узурпированных прав Ватикана на изрядную часть национальных богатств, отчетливо пульсирует в идеологическом обосновании Реформации... Он же прорывается в свирепом подавлении крестьянских бунтов Советской России, и в трагедии коллективизации.

В не менее диких издержках теоретического осмысления этого вечного социального инстинкта – требование общности жен²². Напомним: именно оно сделало возможной талантливую мистификацию экспропрированного владельца саратовской чайной М.Уварова, сумевшего опубликовать «Декрет» Саратовского Губернского Совета Народных Комиссаров «Об отмене частного владения женщинами»²³. Нужно признать: фальшивка сыграла значительную роль в дискредитации новой власти.

Поучительным примером частных судеб может служить история Людвига II (1845–1886), короля Баварии с 1864 г., который вошел в историю благодаря построенным им замкам, самым знаменитый из которых является Нойшванштайн. Известно, что он унаследовал душевную болезнь от своей матери. Но до тех пор, пока ему не пришлось в голову продать «свою» Баварию, чтобы

взамен купить необитаемый остров, где не было бы придворных, совета министров, конституции, этикета, непонимающих его лиц, подданные мирились со странностями своего короля. Он даже поручил директору государственных архивов объездить все Гималаи, побывать на Крите и Кипре, в Канаде и в Крыму. Поэтому нет ничего удивительного, что его действия были расценены как угроза, и летом 1886 года была созвана комиссия психиатров, которые со всей ответственностью заявили, что Людвиг серьезно и неизлечимо болен. На государственном уровне было принято решение обеспечить безумному королю опеку и назначить в Баварии регента.

Не будет излишним напомнить в этой связи и о примере М. Ходорковского.

Право общества (впрочем, на практике – легально представляющей его партии) вносить свои коррективы в режим функционирования собственности, вмешиваться во властные распоряжения формального обладателя правомочий отчетливо демонстрируется и современностью. Так, например, никакое государство не допустит физического уничтожения номинальным владельцем таких общественных ценностей, как земельные угодья; никакая общественность не потерпит превращения частных владений в центре мегаполиса в хранилище ядерных отходов и т.п. Эмбарго на поставку продукции высоких технологий «неудобным» режимам, экономические блокады, вето на продажу акций стратегических предприятий, различного рода запретительные пошлины и пр. – убедительные доказательства, относящиеся к этому же ряду.

О том, что полная собственность практически никогда не концентрировалась в частных руках, свидетельствует и раздельное существование феодальной и ростовщической собственности, банковского и промышленного капитала, сращивание которых начинается только в эпоху формирования монополий.

История помнит, что можно было обладать значительным денежным капиталом, и в то же время не иметь права приобрести даже «шесть соток» земли или завести свое производство. Поэтому неслучайно в свое время феодальная собственность восходящим классом буржуазии была провозглашена величайшим злом. Через это прошли все страны, в отечественной же истории такое положение вещей сохранялось вплоть до XIX века. Указ Екатерины II о вольности дворянства, кроме всего прочего, подтверждал, что только «благородному Российскому дворянству» предоставлялось право первого приобретателя имений [ст. 22], пра-

²⁰ Энциклопедия Брокгауза и Евфрона. Ст. Монашество.

²¹ Гоголь Н.В. Тарас Бульба.

²² См. Манифест Коммунистической партии.

²³ Арх. УФСБ Орловской области, дело №15554-П. // http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/dekr_obotm.php.

во иметь по деревням свои фабрики и заводы [ст. 28] и т.п.²⁴ В свою очередь, можно было иметь деревни, фабрики и заводы, но не располагать средствами, которые были бы способны привести их в движение. Не только простое дворянство и титулованная знать были вынуждены обращаться к займам (так в России многие, нуждавшиеся в денежных средствах, закладывали свои имения под кабальные проценты, при этом щадящей считалась ссудная ставка 20% годовых, де-факто же ростовщики кредитовали под более высокие – от 33 и выше)²⁵. В них нуждались и венценосные особы Европы: на деньги ростовщиков организовывались Крестовые походы, строились крепости и флоты, развязывались войны. Банковский капитал способствовал и рождению промышленных империй Круппа, Борзига, Сименса, и пр.²⁶

Можно видеть во всем этом благотворную роль посредничества, стимулирующего развитие экономики. Но нельзя не замечать и то фундаментальное обстоятельство, что в разделенном функционировании интегрального достояния проявляется глубинный охранительный инстинкт социума, который препятствует его концентрации в одних руках. Который в действительности категорически исключает «священность и неприкосновенность» частной собственности.

Впрочем, и сращивание капиталов отнюдь не означает упразднение распределенного контроля над совокупным общественным достоянием. Меняется лишь его организационная форма, и не более того.

Личность предпринимателя

Таким образом, в основе анализируемого феномена необходимо видеть социальную функцию, а следовательно, не пассивное состояние субъекта права, но прежде всего один из ключевых, определяющих вектор развития всего общества, род деятельности. И уже только потом юридическую (экономическую, какую угодно другую) категорию.

Как правило, это обстоятельство упускается из виду, и все сводится к специфическим отношениям, которые возникают между людьми в ходе совместного достижения общей цели, но упускается собственно деятельность. Между тем любая ее разновид-

ность предполагает наличие определенных способностей – и уж тем более их обязана требовать та, в которую вовлекаются значительные объемы материальных ресурсов единого общественного организма.

Миссия предпринимателя – это ничто иное, как результат все той же диверсификации форм совместного жизнеобеспечения и дальнейшего разделения интегральной функции социальной самоорганизации и самоуправления. (Термин предприниматель был введен французским экономистом Ришаром Кантилоном, жившим в начале XVIII века. С тех пор это слово означает человека, который берет на себя риск, связанный с организацией нового предприятия или новой идеи, новой продукции или нового вида услуг, предлагаемых обществу.) Поэтому, как и всякий другой род занятий, определение режима функционирования любой части общественного достояния требует от человека особых талантов. Однако далеко не каждый в развитой степени обладает тем, что требуется от собственника. Обломов – формальный обладатель известной части общественного богатства, но он не наделен ни склонностью, ни даром управления ею. Глубоким заблуждением является обывательское представление о том, что собственником, в том числе и крупным, способен быть любой.

Не будет преувеличением сказать, что талант, требуемый от субъекта собственности, столь же редок, сколь и талант художника, ученого, полководца. Поэтому крупное состояние, находящееся в личном владении, – вещь крайне редкая, кроме всего прочего, еще и по этой не всегда осознаваемой нами причине. Взглянем с несколько неожиданной стороны на статистику распределения промышленных предприятий.

Поскольку речь идет о производствах, порождаемых частной инициативой, то градация их масштабов, кроме прочего, может свидетельствовать о градации предпринимательского таланта, – и обращение к этой стороне человеческой природы обнаруживает существование пределов ее способности концентрировать собственность в одних руках. Пределов, преодолеть которые способны лишь исключительно одаренные люди. Заметим к тому же, что подавляющая численность крупных и особо крупных предприятий находилась отнюдь не в личной, но в корпоративной собственности. Иными словами, повинуюсь диктату все того же глубинного инстинкта самосохранения, органика социума препятствует неограниченной концентрации ресурсов его развития в неподходящих руках.

²⁴ См. Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства. 21. 04. 1785 г. // <http://www.vgd.ru/gramota.htm>.

²⁵ История развития ипотечного кредитования // <http://www.ipogid.ru/index.php?id=32>.

²⁶ См. Отгер Г. Магнаты... Начало биографии. Пер. с нем. М.: Прогресс, 1985.

Концентрация производства (%) на конец 1970 – начало 1980 гг.²⁷

Страны	Размер предприятий по числу занятых				
	1–49	50–499	500–999	1000 и более	Всего
США	89,2	10,2		0,6	100,0
Япония	43,1	53,3	2,2	1,4	100,0
ФРГ	74,5	22,5	1,8	1,2	100,0
Франция	73,2	23,9	1,9	1,0	100,0
Великобритания	76,2	19,0	2,8	2,0	100,0
Италия	99,0	0,9	0,1		100,0

Доля предприятий в экономике европейских государств (2007 г.)²⁸

Показатель	%	Микро	Малые	Средние	МСП	Крупные	Всего
Оборот	%	19	19	20	58	42	100
Добавленная стоимость	%	21	19	18	58	42	100
Занятость	%	30	21	17	67	33	100

При этом численность крупных предприятий составляла 43 тыс. от общего числа 23 млн., т.е. немногим более 0,5%.

²⁷ Современный капитализм // Социально-экономический справочник. М.: Политиздат, 1985. с. 129.

²⁸ Растущий малый и средний бизнес в России и за рубежом: роль и место в экономике. Фонд Ресурсный центр малого и среднего предпринимательства. Торгово-промышленная палата РФ [Материалы сайта <http://www.cfe.ru>. Дата обращения 20.04.2012].

Но продолжим.

Специфика обыденных представлений о личности предпринимателя состоит прежде всего в его демонизации, и это препятствует как пониманию его назначения в жизни социума, так и конструктивному диалогу между обществом и предпринимательским цехом. В отечественной литературе давно уже сложилось клише, восходящее к цитате, приведенной Марксом в I томе «Капитала»: «Обеспечьте 10 процентов, и капитал согласен на всякое применение, при 20 процентах он становится оживленным, при 50 процентах положительно готов сломать себе голову, при 100 процентах он попирает все человеческие законы, при 300 процентах нет такого преступления, на которое он не рискнул бы, хотя бы под страхом виселицы»²⁹.

Оценка безусловно имеет свои основания, и все же полностью лишена рельефа, а потому – жизненной правды. Трезвое же осмысление личности предпринимателя требует отрешиться от излишней inferнальности традиционных воззрений. Недопустимо видеть в этом социальном типаже лишь «живодера-капиталиста», ради денег готового на все. Необходимо понять, что предпринимательство – это не исчадие зла, но специфическая разновидность социального творчества и общечеловеческой культуры. Поэтому и здесь, как и во всех других

областях созидания, цель устремлений личности – отнюдь не деньги как таковые, но прежде всего общественное признание.

Строго говоря, гонорары (лучше большие, еще лучше огромные) отнюдь не чужды и мотивации художника или ученого; в этом отношении они ничем не отличаются от предпринимателя. В действительности собственно деньги в сфере экономики, как и в созидании иных культурных ценностей, представляют собой лишь один из критериев успеха, заменить собою все они не в состоянии нигде. Однако мало кому приходит в голову мерить признание человека искусства или науки лишь суммами, которые выплачиваются за полотна, или за тиражи изданий. Думается, что в случае жесткой альтернативы – «деньги или аплодисменты» и художник, и ученый выбрали бы второе, ибо признание – это прежде всего мера профессиональной свободы. Иными словами, весомый дополнительный ресурс, который открывает перед творческой личностью возможность преобразования окружающей действительности по ее собственной выстраданной мерке.

Особенность бизнес-сферы состоит в том, что деньги здесь не род приятного «приложения» к общественному признанию лидера, но непосредственное воплощение и мерило сделанного им вклада. Однако видеть в них какую-то исключительную самодель, значит, не увидеть решительно ничего, ибо измеренный ими успех – это все тот же ресурс дальнейших инноваций и все

²⁹ Маркс К. Капитал, т. I. // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., 2 изд., т. 23, с. 773.

та же свобода творчества, что позволяет предпринимателю вносить в мир свои представления о гармонии.

Как всякой разновидности творчества, предпринимательству присуще все, что свойственно «чистому», не замутненному никакой вещественностью творчеству – такому, как, например, музыка или поэзия. В обращении к последней нет ничего неожиданного, напротив, оно тем более естественно и логично, что слово поэта часто оказывается более емким и точным, чем развернутые монографии, и его образному строю удастся выразить то, что недоступно силлогистике обществоведа³⁰. Вслушаемся. Блок, имея в виду назначение поэта, в своей речи, прочитанной в Доме литератора в феврале 1921 г., говорил: «Мировая жизнь состоит в непрестанном созидании новых видов, новых пород. Их баюкает безначальный хаос; их взращивает, между ними производит отбор культура; гармония дает им образы и формы, которые вновь расплываются в безначальный туман. Смысл этого нам непонятен; сущность темна; мы утешаемся мыслью, что новая порода лучше старой; но ветер гасит эту маленькую свечку, которой мы стараемся осветить мировую ночь. Порядок мира тревожен, он – родное дитя беспорядка и может не совпадать с нашими мыслями о том, что хорошо и что плохо. <...> «Поэт – сын гармонии <...> Три дела возложены на него: во-первых, освободить звуки из родной безначальной стихии, в которой они пребывают; во-вторых, привести эти звуки в гармонию, дать им форму; в-третьих, – внести эту гармонию во внешний мир»³¹. Заменим «звуки» стихийными ритмами самоорганизации встающего из того же первозданного беспорядка социума, – и мы увидим все ту же триединую задачу... и мало чем отличающиеся от волшебных миражей художника, образы, что встают перед поэтом от предпринимательства:

...Отселе править миром я могу;
Лишь захочу – воздвигнутся чертоги;
В великолепные мои сады
Сбегутся нимфы резвою толпою;
И музы дань свою мне принесут,
И вольный гений мне поработится,
И добродетель и бессонный труд
Смирненно будут ждать моей награды³².

³⁰ См. также I Коринфянам. 1, 21: «Ибо когда мир своею мудростью не познал Бога в премудрости Божией, то благо-угодно было Богу юродством проповеди спасти верующих».

³¹ Блок А. О назначении поэта. А. Блок. Собрание сочинений в 6 тт. Т. 4. Л.: 1982. с. 414.

³² Пушкин А.С. Скупой рыцарь, сцена II.

Разумеется, нельзя не согласиться с тем, что концентрация богатств на одном социальном полюсе означает принесение в жертву интересов противоположного. Поэтому неудивительно, что, как некий злой дух, предприниматель обвиняется в нарушении едва ли не всех этических норм и законов милосердия. Соперничать с ним в состоянии лишь образ Государя, напечатленный пером Макиавелли. Но спросим самих себя: столь ли одномерны и безотносительны абсолюты человеческих ценностей, в том числе и главная из них – человеческая жизнь?

Обратимся к системообразующим символам современной культуры. Жертвоприношение – это сохранившаяся до сего дня часть нашего духовного мироздания. Между тем известно, что в жертву во все времена могло приноситься только лучшее, что было у человека, и ритуал предьявлял и предьявляет особые требования ко всему, что назначено богам. (В одной из трактовок мифа о Прометее Зевс наказывает человечество за то, что по наущению титана оно пытается подсунуть Вседержителю худшую часть)³³. Поэтому приношение человеческой жизни – это осознание того, что именно она составляет собой высшую ценность нашего мира. Другими словами, как ни парадоксально это прозвучит, – здесь неоспоримое свидетельство развития гуманистических представлений. Однако диалектика жертвоприношения не сводится только к этому, – его внутренняя противоречивость проявляет себя в способности предстать святотатственным преступлением против человечности.

В традиции европейской культуры видеть именно такое святотатство в распятии Христа. Но забудем на минуту о библейском контексте и обратимся к социальной практике, в которой ни один государственный деятель никогда не может обвинен в том, что, спасая нацию, он жертвует кем-то одним. У Еврипида в «Ифигении в Авлиде», дочь Агамемнона должна была быть принесена в жертву богине Артемиде, чтобы обеспечить успех общеэллинскому делу.

...Калхант-вещун < ... >
Изрек, что царь и вождь Агамемнон
Дочь Ифигению, свое рожденье, должен
На алтаре богини заколоть,
Царицы гладей этих. «Если, молвил,
Заколете девицу, будет вам
И плаванье счастливое, и город
Вы вражеский разрушите, а нет -
Так ничего не сбудется»³⁴.

³³ Гесиод. Теогония. Ст. 536–541.

³⁴ Еврипид. Ифигения в Авлиде. Ст. 87–96.

В последнюю минуту сама героиня изъясляет покорность судьбе, предпочитая смерть за отечество, и мы по сию пору чтим ее подвиг. Но ведь и в Евангелиях, если взглянуть на них не как на богодухновение, но как на обычный исторический документ, звучит в точности то же: «Один же из них, некто Каиафа, будучи на тот год первосвященником, сказал им: вы ничего не знаете, и не подумаете, что лучше нам, чтобы один человек умер за людей, нежели чтобы весь народ погиб»³⁵. Словом, поверхностное истолкование культурологических символов не открывает всех измерений истины. Да ведь и Бог-отец послал Одного во искупление всех...

Таким образом, сколь бы кощунственным это ни показалось, возможность (а часто и прямая необходимость) человеческих жертв ради некоего общего блага, до сих пор составляет собой один из краеугольных камней всей европейской культуры. «Победа любой ценой», «одна на всех, мы за ценой не постоим» – отзвуки именно этого уходящего в самую глубь тысячелетий императива. Закрывать глаза – значит фарисействовать. Осознание же глубокой противоречивости и многомерности ключевых символов требует смирения перед тем, что менталитет любого, кто назначен вершить людские судьбы, формируется в числе прочего и противоречивой сущностью всякого идеала. Поэтому, как и любой другой, предприниматель не может остаться без слова защиты философа там, где вменяется в вину небрежение законами милосердия и морали. Впрочем, и огульное оправдание – противоположная крайность.

Предпринимательство – это совершенно особый род творческой деятельности, и, как любая ее разновидность, безусловно требует от своего субъекта известных талантов; в том числе нравственных. Поэтому недостаток последних заставляет вскипать возмущенный разум всех, кто служит ему простым средством. Но ведь нравственный потенциал необходим не только собственнику, но и служителю муз, вот только стереотипы общественного мнения таковы, что светлый гений одного а priori наделяется его преизбытком, злой демон другого – абсолютным дефицитом. Меж тем «ничто человеческое» не чуждо и искусству, и науке.

Оставим в стороне очевидное, чтобы сконцентрироваться на сути. Конечно же, лучше, чтобы обостренной совестью обладал каждый, но нет ничего более ошибочного, чем видеть первопричины всех зол в ее отсутствии, ибо многие из них обусловлены самой природой созидания. Любой культурный герой, независимо от сферы, в которой

развивается и торжествует его талант, видит свое назначение не просто в порождении новой ценности, но в подчинении всех ее диктату, поэтому нет большего врага для господствующих эталонов и норм, чем он. Никакое творчество вообще невозможно без их отвержения; строго говоря, оно и порождается критическим отношением к абсолютам. В том числе (увы!) и к абсолютам морали. И все же на протяжении столетий общественное сознание легко мирилось с легендой о том, что Микеланджело умертвил натурщика, чтобы естественнее изобразить умирающего Христа, что Сальери отравил Моцарта... Ничто из этих пятнающих память мифологем не мешало относиться с уважением и к оставленному ими наследию, и к ним самим. А ведь, кроме легенд, есть и факты. Достаточно вспомнить о Р. Гуке, сделавшем великое множество открытий, которые составляют основу современной науки, но по разным причинам приписываются другим людям. В частности, именно он породил основную идею закона всемирного тяготения, но при этом даже был не упомянут в рукописи знаменитых «Начал»³⁶, однако мы не спешим из-за этого мазать черной краской Ньютона.

Социальное творчество много контрастней искусства, и науки и черное здесь видится гораздо отчетливей и гораздо черней. Но ведь и память жертв атомных бомбардировок существует отдельно от почитания покорителей атомного ядра... и лишь эксцессы первоначального накопления, подобно пеплу Клааса, не перестают стучать в сердца пострадавших. Только предприниматель, как осужденный на вечное отвержение Агасфер, не находит себе прощения.

Конечно же, нравственное чувство человека не в состоянии примириться с тем, как:

...Она стояла на коленях воя.

Шел дождь, и перестал, и вновь пошел,
Притворщица не трогалась; я мог бы
Ее прогнать, но что-то мне шептало,
Что мужнин долг она мне принесла...³⁷

Но важно понять: логика развития рода не совпадает с логикой жизни индивида – и в то же время любая социальная инновация вносится конечной деятельностью именно частного лица. Может быть, с особой отчетливостью это было осознано упомянутым здесь флорентийским мыслителем. Именно он впервые задумался над тем, что многое из всей совокупности юридических и мораль-

³⁶ См. напр. Арнольд В.И. Гюйгенс и Барроу, Ньютон и Гук. – М.: Наука, 1989; Боголюбов А.Н. Роберт Гук. – М.: Наука, 1984; Вавилов С.И. Исаак Ньютон. – М.: Изд-во АН СССР, 1961.

³⁷ Пушкин А.С. Скупой рыцарь, сцена II.

³⁵ Иоанн. 11, 49–50.

ных ограничений, регламентирующих жизнедеятельность отдельной клетки-индивида, неприменимо к вектору развития целостного социального организма. А значит, хотим мы того или нет, в действиях любой творческой личности всегда обнаружатся контуры двух несовпадающих траекторий добра и зла. Назначение творчества, в том числе и творчества предпринимателя, состоит в утверждении некой гармонии, но ведь со времен Достоевского аксиоматично, что «Красота – это страшная и ужасная вещь! <...> Тут берега сходятся, тут все противоречия вместе живут. <...> Ужасно то, что красота есть не только страшная, но и таинственная вещь. Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы – сердца людей»³⁸.

Да, основания для обвинений были и есть. Но во многом они существуют только благодаря отсутствию взаимопонимания, более того – простой готовности обеих сторон, общества и предпринимателя, понять друг друга и сделать шаг навстречу.

Поэтому выход не в суверенизации собственника и не в экспроприациях собственности, но прежде всего в безусловном подчинении самого общества тем решениям, право принимать которые оно делегирует предпринимательскому цеху, и в столь же неукоснительном соблюдении последних пределов, которые оно устанавливает его свободе.

Справедливость такого положения вещей нередко осознается и самими собственниками – именно так рождаются меценаты и филантропы. В наши дни ярким примером подобного осознания является инициатива Билла Гейтса и Уоррена Баффета, которые принимают решение половину своего состояния направить на благотворительность. То же осознание движет владельцем одного из крупнейших в современной России холдинга³⁹.

Выводы

1. Понятие собственности не может быть определено исключительно в терминах права, ибо являет собой более фундаментальное явление; плоскость права – это лишь одна из его возможных проекций.

2. В действительности режим владения, пользования, распоряжения никогда не определяется только номинальным собственником; законы социального строительства исключают возможность предельной концентрации всей полноты правомочий; в разной форме в этом принимает участие вся совокупность субъектов права и экономических отношений.

3. В полной мере понятие собственности может быть раскрыто только как специфическое измерение института самоорганизации и самоуправления жизнеобеспечением и развитием социума.

4. Функция собственности реализуется как специфический род социальной деятельности, и, как всякая творческая деятельность, она предъявляет своему субъекту особые требования.

5. Оптимизация отношений собственности диктует необходимость дискуссии между широкой общественностью и предпринимательским сообществом.

Список литературы

1. Александрова С.П. Гражданское право. Общая часть. – СПб., 1997.
2. Аристотель. Афинская полития.
3. Аристотель. Политика.
4. Блок А. О назначении поэта. А. Блок. Собрание сочинений в 6 тт. – Т. 4. – Л.: 1982. – С. 413–420.
5. Геродот. История.
6. Гесиод. Теогония
7. Гивиашили Г.В. Гуманизм и гражданское общество // Библиотека журнала Здравый смысл. – М.: Российское гуманистическое общество, 2003 // <http://atheismru.narod.ru/humanism/givishvili/title.htm>.
8. Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства. 21.04.1785 г. // <http://www.vgd.ru/gramota.htm>.
9. Деяния божественного Августа. Шифман И. Ш. Цезарь Август. – Л.: Наука, 1990. – С. 189–199.
10. Дождев Д.В. Римское частное право. – М.: Норма, 2002. – С. 377–379.
11. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы.
12. Еврипид. Ифигения в Авлиде.
13. Елизаров Е.Д. Апология «Капитала» // Политэкономия творчества // http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/eliz.
14. Законы XII таблиц // Хрестоматия по истории древнего мира; под ред. В.В. Струве. Т. III. Древний Рим. – М.: Учпедгиз, 1953 г. Док. № 8.
15. История развития ипотечного кредитования // Материалы портала. – <http://www.ipogid.ru/index.php?id=32>.
16. Книги Ветхого и Нового завета.
17. Коробков И.И. Новые данные о неандертальских скелетах из пещеры Шанидар (Ирак) // Вопросы антропологии. – 1963. – Вып. 15.
18. Кулагин М.И. Предпринимательство и право: опыт Запада. – М.: Дело, 1992.
19. Лунц Л.А. Курс международного частного права. Особенная часть. – М.: Юридическая литература, 1975.
20. Маркс К. Капитал, т. I. // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., 2 изд., т. 23.
21. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 42. – С. 41–174.
22. Маркс Карл, Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., 2 изд., т. 4.
23. Материалы портала <http://www.inosmi.ru/social/20100202/157941183.html>.
24. Материалы портала <http://www.cfe.ru>.
25. Матюшин. М. Археологический словарь. – М., 1998.
26. Монашество. Энциклопедия Брокгауза и Евфрона.
27. Оггер Г. Магнаты... Начало биографии: пер. с нем. – М.: Прогресс, 1985.
28. Пушкин А.С. Скупой рыцарь.
29. Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. Божественный Август.
30. Современный капитализм // Социально-экономический справочник. – М.: Политиздат, 1985.
31. Тронский И.М. История античной литературы: учебник для студентов филологических специальностей университетов – Л.: Учпедгиз, 1946. 496 с. // <http://www.ceriant.pu.ru/sno/lib/tron/index.htm>.
32. Цицерон. Диалоги // О государстве. О законах. – М., 1994.

³⁸ Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы, кн. III. Гл. 3.
³⁹ Financial Times 02.02.2010 // <http://www.inosmi.ru/social/20100202/157941183.html>.